

НАШИ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ, когда мы с мамой сдержали обещания

— Мы на небесах! — кричу я маме и показываю пальцем прямо в них.

Мама не смотрит ни на какие небеса. Она сидит напротив, упершись затылком в стенку кабины, честно исполняя обещание — покатать меня на колесе обозрения.

Мама всегда боялась аттракционов. «А вдруг у них что-то заржавело и мы свалимся с самой верхотуры?» — повторяла она при виде этих махин. Но сегодня я всё-таки уговорила её прокатиться на самой громадной из них.

— Посмотри, очень даже такое маленькое колёсико. И его точно как следует смазали. Послушай.

Я замолкаю и прислушиваюсь к воздуху. Беззвучность колеса глушится песней про тропинку в рай. Она совсем не подходит к разноцветному веселью, но мне нравится.

— Оно же высокое, Катя!

Так выясняется, что мама боится ещё и высоты. Но о том, что сильнее всего она боится огорчить меня, мама молчит.

Когда мы снова оказываемся внизу и садимся на лавочку, чтобы посмотреть, как высоко мы только что были, мама шепчет мне:

— Вот подрастёшь, сможешь без меня кататься сколько захочешь. Ты не такая трусиха, как я.

Я киваю. Но не тому, что она трусиха, а тому, что подрасту.

А потом мы идём кататься на паровозике. Это уже обещание от меня. Потому что я тоже кое-чего боюсь — казаться смелее мамы. Пусть знает, что я тот ещё ребёнок и нечего пока считать меня в чём-то лучше. Потому что это на самом деле не так. Потому что это она — та, кто всегда будет для меня лучшей.

Шесть утра. Курортный посёлок на берегу морского залива.

Наш лучший день

Мы с мамой договорились встать пораньше. Я лежу на надувном матрасе на полу, она — на кровати рядом. Вчера была её очередь, поэтому всё честно, никто не в обиде. Балконная дверь приоткрыта, утро вползает в комнату — составить нам компанию.

Мама поворачивается ко мне, протягивает руку:

— Привет.

Вытягиваю свою руку навстречу. Как же хочется спать! А мама такая тёплая!

Мы живём в трёхкомнатной квартире ещё с двумя семьями. Наша комнатка крошечная, зато с балконом. Завтра мамин отпуск заканчивается, поэтому сегодня нужно успеть покататься на катамаране и ещё на всяком, чтобы до ночи не вспоминать, что завтра — отъезд. Мама пообещала мне «наш самый лучший день до самого Нового года».

Из окна виден малюсенький кусочек моря. Там совсем скоро будем мы, под гигантской надписью «ПРОКАТ». Мы как могли сэкономили эти две недели и вычисляли наилучшее время для катания, чтобы долго не стоять в очереди и накататься вдоволь.

Надеваем шорты и футболки и выходим в утро. До пляжа идём пешком. Воздух не успел согреться, и я покрываюсь гусиной кожей. Мама шагает широко, рядом с ней я совсем мелкая. Мама у меня не маленькая, а в сегодняшнем наряде и вовсе похожа на тяжелоатлетку. Моя личная идеальная защита от всех бед. Как-то один петух засомневался в этом и погнался за мной, расправив крылья и вереща что-то про свой бессмертный клюв. Поэтому маме пришлось напомнить ему, чья я дочь. А петуху — стать разборчивее в объектах нападения. Вот и сейчас — мы идём покорять море, и, когда мы седлаем катамаран, я даже забываю надеть спасательный жилет, так я уверена в жизни. В миной защите.

Через час мои ноги отказываются не то что крутить педали, но просто существовать. Солнце спряталось, а ветер, наверное, решил, мол, он-то нам и нужен, раз мы такие ранние, да ещё и богатенькие буратины. Волнам я бы поставила крепкую тройку за настырность и мокрые носки в холодных кедах. Мама погрустнела. Мы болтаемся в воде, далеко за буйками, видим дом, в котором живём, пляж и надувную горку, но не можем приблизиться к берегу даже на метр.

Наш лучший день

— Нас не оштрафуют? — спрашиваю я, чтобы мама подумала хоть о чём-то кроме проклятых волн.

— Это мы их — за несговорчивость их водного агрегата, — отвечает мама и сильнее давит на педали.

Я стараюсь успеть за ней, но выходит, что это педали крутят мои ноги, а не я их. И всё-таки что-то меняется. Не нашими, а какими-то потусторонними усилиями катамаран разворачивает на сорок пять градусов, и берег резко оказывается где-то сбоку. Мама вцепилась в рычаг управления, я — в пластмассовое сиденье. Мы плывём вперёд! Не к берегу, конечно, но по крайней мере и не в открытое море. Через какую-то сотню минут я спрыгиваю с катамарана прямо в воду. Мама ничего не говорит, кеды уже не спасти. Как же это здорово — стоять на твёрдом! Прокатчики подтягивают катамаран вместе с мамой к причалу.

— Ну как покатались-то, а? — спрашивает один, с зубочисткой в зубах и загорелый дальше некуда.

— А я не умею плавать-то, — цедит мама.

Она поднимается на причал и хватается за перила.

— Ой.

— Что? — спрашиваю я.

— Спина. Прихватило. Наверное. Продуло.

Загорелый пересчитывает протянутые мамой деньги. Жуёт зубочистку.

— Приходите ещё!

Мама держится за спину. А я держу в руках мокрые кеды. Я всё равно не знаю, куда деваться, но уж точно с вопросами к маме сейчас лучше не лезть.

— А теперь за грязью, — говорит мама, и всё сразу становится как обычно.

Как у неё это выходит: враз делать мир таким понятным? Я улыбаюсь. А она — нет. Ей больно, силюсь понять её, но всё равно радуюсь больше, чем грущу, ведь мы снова куда-то едем.

Выяснилось, что, если проехать на трамвае семь остановок, оказываешься на фабрике грязи. «Лиман. Конечная», — объявляет механический голос, и мы выходим. Грязь можно купить. Её фасуют в свои или наши пакеты или просто накладывают в руки. Мы взяли полпакетика и сели на скамейку на остановке. Мама закатала футболку, сделала грязевую лепёшку, приложила к поянице и накрыла сверху бывшей грязевой тарой.

Наш лучший день

Я соскребла с её рук остатки, слепила из них два куличика и оставила засыхать под скамейкой: один мне, другой, побольше, маме. Хоть она и говорит, что мы больше сюда не приедем, закон возвращения никто не отменял. Вот я и забуду их тут, чтобы потом вернуться и отыскать это место, даже если от куличиков ничего не останется. Главное, что они здесь были. Но главнее, что здесь были мы.

Лечение занимает целых пятнадцать трамваев, проехавших мимо. Назад мы едем совсем с другим настроением. Мама учит меня определять счастье по трамвайным билетикам.

— Складывай первые три и последние три цифры и, если числа совпадут — жди хорошего.

Я складываю, проверяю себя и перепроверяю. Но цифры ополчились против меня и никак не хотят совпадать.

«Неправда это», — хочу сказать я маме. Но тогда получится, что она меня обманула, а это тоже неправда, так у нас не бывает. Поэтому я молчу. Мама улыбается. А я — нет. Она протягивает мне свой билетик:

— Сохрани на память.

Не хочется хранить наши несчастливые билетики. Но по закону возвращения, чтобы

вернуться куда-то, нужно что-то обязательно унести с собой. Поэтому я складываю их вдвое и засовываю в карман шорт. Мои путешественные трофеи, вот теперь я довольна. Следующие семь остановок мы едем совершенно счастливые и без всяких цифр.

Когда мы возвращаемся в квартиру, соседей уже нет. На море действует закон утра: кто раньше пришёл на пляж, тот лучше лёг. Мы с мамой вначале соблюдали, а потом решили, что нам и сидится неплохо. Граница пляжа — низкое бетонное ограждение, выкрашенное в белый цвет. Оно всегда тёплое, но ужасно твёрдое. Поэтому мы приспособились сидеть на надувном матрасе. Мама седлает его, чтобы не свалился, а я сажусь в позу бабочки, чтобы растяжку тренировать. Когда спина совсем устаёт или у нас с мамой заканчиваются слова для игры в слова, я обычно иду купаться. Сегодня я настроена особенно решительно — показать маме «поплавок». Мама подходит к берегу, я — загружаюсь в воду нырком. Она теплейшая! А я лёгкая!

— Смотри! — кричу маме, зажимаю нос одной рукой, второй — обхватываю колени и притворяюсь невесомой пробковой каплей.

Наш лучший день

Я могу продержаться так десять секунд, это мой рекорд. Когда я снова становлюсь собой, не сразу понимаю, где берег и мама. Возвращаюсь на три шага назад, откуда я вроде как стартовала, и осматриваюсь. Снова ничего не узнаю. Морская болезнь, что ли? За время дрейфования, видимо, сбились какие-то важные настройки, и, чтобы починить их, нужно по крайней мере обезводиться, то есть для начала выйти на берег. Я шагаю на мелководье, зачем-то делаю вид (вдруг кто-то на меня смотрит), что у меня всё в порядке. Это неправда, но почему-то так легче.

Сажусь на песок у самой кромки воды и рисую вокруг себя спасательный круг. Наклоняю голову вправо и влево, хлопаю себя по ушам, выжимаю волосы. Ну вот, теперь я — это снова я. Стороны света вернулись на свои места. Солнце лопаает капельки воды на спине и плечах. Всё, до пояса я уже сухая, а мамы по-прежнему нет. Я оглядываюсь: где там наш матрас? Но люди как статуи, по одному или кучками, стоят в огромных панамах или просто раскинув руки, так, что я ничего не вижу за ними.

Пока я жду, врастаю в песок и разглядываю мир. В нём женщины, заключённые в свои